МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр АНКВАБ
аспирант МИГСУ РАНХиГС

Одним из признаков правовой нормы является ее формальная определенность, которая подразумевает, что норма права должна получить объективированное закрепление в какой-то определенной внешней форме. Это и есть источник права в юридическом смысле*. Понятия право (в объективном смысле) и источник права соотносятся как содержание и форма и не могут существовать друг без друга.

С.Л. Зивс справедливо отмечает, что «в понятие источника права входят два существенных элемента. Во-первых, это внешняя форма – форма выражения, форма установления и выражения. Во-вторых, это элемент конститутивный – сообщение, придание норме качества правовой нормы» [2, с. 9]. Автору удалось выявить двоякую роль формы, содержащей определенные правила поведения, норму или нормы права: форма является фактическим «хранилищем» данных правил; она наделяет эти правила качеством правовых норм.

В теории права выделяются следующие основные виды источников права: правовой обычай, прецедент (судебный и административный), нормативно-правовой акт, нормативный договор [см. 3, с. 377-379, автор главы – В.Л. Кулапов]. Каждая правовая система имеет свои источники права, и поэтому в конкретном государстве данный перечень может дополняться. В рамках статьи нас будет интересовать лишь нормативный договор, а именно – международный договор как его разновидность.

В наиболее общем виде договор можно определить как соглашение двух (или более) лиц. Этот признак присущ любым договорам. Нормативные договоры содержат нормы права, а индивидуальные – индивидуальные правовые установления [4, с. 58, 59].

А.В. Демин определяет нормативный договор как «договорный акт, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для многочисленного и формально неопределенного круга лиц, рассчитанный на неоднократное применение, действующий независимо от того, возникли или прекратились предусмотренные им конкретные правоотношения» [4, с. 60, 61].

В.В. Иванов развивает и дополняет данное определение: «Нормативный договор – правовой акт, оформляющий выражение согласованных обособленных волеизъявлений субъектов правотворчества, направленный на установление правовых норм» [4, с. 61]. Автор предлагает следующую классификацию нормативных договоров (критерием является форма правотворческой деятельности) [4, с. 79, 80]:

- между государственными субъектами права (непосредственное государственное правотворчество). Сюда можно отнести международные договоры;
- между государственными и негосударственными субъектами права (совместное правотворчество). К данной группе относятся соглашения о социальном партнерстве;
- между негосударственными субъектами права (санкционированное негосударственное правотворчество). Сюда относятся коллективные договоры в трудовом праве.

Хотя международные договоры и являются разновидностью нормативных договоров, некоторыми их признаками они не обладают. Так, нельзя сказать, что международный договор устанавливает правовые нормы для неопределенного круга лиц [5, с. 93]. Нормы международного договора распространяются только на его участников (ст. 29 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [6]). Этим своим качеством международный договор проявляет сходство с гражданско-правовым договором, который также распространяется только на лиц, его заключивших. Для третьих лиц гражданско-правовой договор может создавать права, но не обязанности [7, с. 13]. Международный договор может создавать права и обязательства для третьего государства только при наличии его на то согласия (ст. 34 Венской конвенции). В любом случае, круг субъектов, на которых распространяются правила как международного, так и гражданско-правового договора, строго определен.

Наиболее существенным признаком международных договоров (как и любых других) является их согласованный характер. Договорные нормы (в отличие от норм, содержащихся в других источниках права) являются результатом согласования волеизъявления сторон. Венская конвенция о праве международных договоров в ст. 2 (п. 1) определяет договор как «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования». Похожее определение содержится в Федеральном законе от 15.июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [8], ст. 2 (п. «а»): «международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры (…), в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования».

Общепризнанно, что международный договор является источником международного (публичного) права. Спорным является вопрос о включении международного договора в систему источников внутреннего права.

В.Ф. Мешера отмечал, что «международные договоры… являются источниками международного права… и одновременно источниками… внутригосударственного права» [9, с. 125]. Аналогичного мнения придерживалась Т.П. Гревцова [10, с. 173]. Ряд современных специалистов в области конституционного права также относят международный договор к источникам внутреннего права [1, с. 59, 60].

Международную правовую систему и правовые системы отдельных государств следует рассматривать как самостоятельные правовые образования**. Они находятся в тесной взаимосвязи, но не подчинены друг другу [12, с. 53]. Нормы одной правовой системы не имеют приоритета перед нормами другой. Исходя из этого, очевиден вывод о том, что каждая правовая система имеет свою собственную систему

---

* Понятие *источник права* используется и в других смыслах. Источники права в материальном смысле – это общественные отношения, объективно требующие правового регулирования. Под источниками права иногда подразумевают государственные органы, от которых исходят правовые нормы. О развитии понятия источника права см. [1, с. 11–20].

* Подробнее о соотношении правовых систем см. [11].

источников права. Источники международного права не могут выступать источниками внутригосударственного права, равно как источники внутригосударственного права не могут быть одновременно источниками международного права.

Нормы международного договора регулируют отношения между заключившими его субъектами международного права, но не между субъектами внутреннего права. Заключая международный договор, государство берет на себя международно-правовое обязательство. Для исполнения этого обязательства государство вынуждено придать определенным положениям международного договора силу внутреннего права.

Процесс придания положениям международного договора силы внутреннего права именуется в науке трансформацией (инкорпорацией). «Оба эти термина обозначают одно и то же явление, но с различных точек зрения: первый – с точки зрения международного права, второй – с точки зрения права внутригосударственного» [13, с. 141].

Основные положения теории трансформации сводятся к следующему:

• международное право и право внутригосударственное – две самостоятельные правовые области;

• нормы международного права не могут действовать proprio vigour (лат. – собственной силой) во внутригосударственной сфере;

• для того, чтобы нормы международного права действовали на территории государства, они должны приобрести силу национального права;

• трансформация происходит в различных правовых формах путем издания внутренних актов различной юридической силы, которые и определяют юридическую силу трансформированных норм;

• трансформированные нормы применяются как lex specialis (лат. – специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон) по отношению к другим нормам внутреннего права;

• трансформированные нормы сохраняют особую связь с международным договором;

• при трансформации международный договор остается формой правовой связи заключивших его государств [13, с. 135-169; 14, с. 16].

Е.Т. Усенко определяет трансформацию как «способ осуществления международного права посредством издания государством внутренних нормативных актов (законов, актов ратификации и публикации международных договоров, административных постановлений, распоряжений и т. п.) в обеспечение исполнения им своего международного обязательства или в интересах использования им своего международного правомочия» [13, с. 162, 163].

На наш взгляд, трансформация должна быть в первую очередь связана с нормами конституции, и юридическая сила трансформированной нормы должна определяться в соответствии с конституцией.

В конституциях ряда государств содержатся статьи о международных договорах или нормах международного права*. Ст. 15 (ч. 4) Конституции Российской Федерации [16] гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора»**. Эта конституционная норма, во-первых, придает определенным положениям международных договоров Российской Федерации силу внутреннего права (трансформирует их), и, во-вторых, определяет приоритет применения трансформированных норм перед нормами закона, но не Конституции, нормы которой имеют высшую юридическую силу. Международные договоры, не соответствующие Конституции РФ, не подлежат введению в действие и применению. В случае, если решение о согласии на обязательность международного договора для Российской Федерации принимается Президентом РФ, Правительством РФ или федеральным органом исполнительной власти, трансформированные нормы будут иметь приоритет перед нормами актов соответственно Президента, Правительства или федерального органа исполнительной власти (см. п. 8 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [17]).

В связи с заключением международного договора могут приниматься различные внутригосударственные акты. Их можно подразделить на а) акты, посредством которых государство выражает согласие на обязательность для него международного договора; б) иные акты, принимаемые в силу указания на это в международном договоре.

В соответствии со ст. 3 (п. 2) Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры подразделяются на межгосударственные (заключаются от имени Российской Федерации), межправительственные (заключаются от имени Правительства Российской Федерации), межведомственные (заключаются от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций). Для выражения согласия на обязательность международного договора акты принимают Государственная дума, Президент, Правительство Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти или уполномоченная организация (ст. 6, 14, 20, 21). Ратификация международного договора может производиться только в форме федерального закона.

В некоторых случаях в силу соответствующего указания в международном договоре государство принимает акты, не связанные с выражением согласия на обязательность для него международного договора. Е.Т. Усенко выделяет два возможных варианта: 1) государство приняло на себя обязательство ввести в свое национальное законодательство определенные нормы, сформулированные в самом договоре; 2) международный договор обязывает к изданию определенных норм, но сами эти нормы в договоре не сформулированы [13, с. 157-159]. Во втором варианте мы имеем дело с несамоисполнимыми договорами. В несамоисполнимом договоре содержится указание на определенные общественные отношения, которые должны быть урегулированы государствами. Обязанность государства состоит в установлении в своем праве нормы (самостоятельно определив ее содержание) по вопросам, предусмотренным в международном договоре.

Нормы, наподобие ст. 15 (ч. 4) Конституции Российской Федерации, в юридической литературе именуют генеральными трансформационными нормами [5, с. 197]. Они являются нормами внутреннего права, но тем не менее, характеризуются определенными особенностями, продиктованными тем, что такие нормы появляются в результате заключения международного договора и сохраняют с ним связь. По словам Л.А. Лунца, «трансформированная норма, хотя и становится внутренней нормой, но сохраняет свое автономное положение в отношении всей системы... права в целом, не инкорпорируется этой системой» [18, с. 230]. Изменение или отмена трансфор-

---

* См., например, ст. 55 Конституции Французской Республики [15, с. 45], ст. 25 Основного закона Федеративной Республики Германия [15, с. 76], ст. 96 (п. 1) Конституции Королевства Испания [15, с. 193], ст. VI Конституции США [15, с. 358].

** Данная норма дублируется в законах, принятых после вступления в силу Конституции Российской Федерации. На наш взгляд, в этом нет никакой необходимости, так как конституционная норма имеет прямое действие.

мированных норм происходит при изменении или прекращении международного договора, на основе которого они возникли. Их особенности сказываются и на толковании, в ходе которого необходимо учитывать их международное «происхождение».

Литература

1. *Кутафин О.Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002.
2. *Зивс С.Л.* Источники права. М, 1981.
3. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000.
4. *Иванов В.В.* Общие вопросы теории договора. М., 2000.
5. *Ануфриева Л.П.* Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002.
6. Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23.05.1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37, ст. 772.
7. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2003.
8. О международных договорах Российской Федерации: федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757; 2012. № 53, ст. 7579.
9. *Мешера В.Ф.* О международном договоре как источнике советского права // Правоведение. 1963. № 1.
10. *Гревцова Т.П.* Международный договор в системе источников советского внутригосударственного права // Советский ежегодник международного права. 1965.
11. *Блищенко И.П.* Международное и внутригосударственное право. М., 1960; Буткевич В.Г. Соотношение внутригосударственного и международного права. Киев, 1981; Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982; Гаврилов В.В. Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия. Дисс. ... докт. юрид. наук. Владивосток, 2005.
12. *Brownlie I.* Principles of Public International Law. New York, 2008.
13. *Усенко Е.Т.* Формы регулирования социалистического международного разделения труда. М., 1965.
14. *Усенко Е.Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2.
15. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. В.В. Маклаков. Москва, 2002.
16. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4, ст. 445.
17. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2003. № 12.
18. *Лунц Л.А.* Соотношение международного договора и внутригосударственного закона в гражданском и трудовом праве // Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14.

ЧЕРНОСОТЕНЦЫ: КРИТИКА СЛЕВА

Григорий ИВАКИН

кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Учебно-методического управления РАНХиГС

В начале XX в., в эпоху становления отечественного парламентаризма, происходило формирование первых политических партий. Значимое место среди них занимал Союз русского народа, который активно позиционировал себя на правом крыле политического спектра. Его программа была опубликована в конце января 1906 г. и впоследствии развивалась, сохраняя принципиальные положения. Основные идеи были заимствованы из теории официальной народности с ее лозунгом «Православие, Самодержавие, Народность», использовалась также славянофильская терминология [1].

В статье «Политические партии в России» В.И. Ленин обращает внимание на позицию черносотенных организаций по национальному вопросу: «Травля инородцев вообще и евреев в особенности поставлена прямо, ясно, определенно в программе черносотенцев. Как и всегда, они выказывают здесь грубее, бесцеремоннее, задорнее то, что остальные правительственные партии более или менее “стыдливо” или дипломатически прячут» [2, с. 278].

Внимание Ленина сосредоточивается на проблеме социальной опоры правых политических организаций. Он отмечает, что «возврат к лозунгам крепостного права, отстаивание всего старого, средневекового в русской жизни, полная удовлетворенность третьеиюньской – помещичьей – конституцией, защита привилегий дворянства и чиновничества, все это дает ясный ответ на наш вопрос. Правые – партия крепостников помещиков» [2, с. 278-279]. При этом «старый правящий класс, помещики-последыши, оставаясь правящим по-прежнему, создал себе соответственную партию. Эта партия и есть “Союз русского народа” или “правые” Государственной думы и Государственного совета» [2, с. 279].

Ленин утверждает, что «Союз русского народа», черносотенцы, «союзники», вынужденные в условиях формирующегося парламентаризма обращаться к широким слоям общества за политической поддержкой, избрали в качестве основной темы своей агитации национальный вопрос. При этом черносотенное движение не способно в сложившихся политических условиях предложить обществу позитивную программу прогрессивного развития.

В более поздней статье «О черносотенстве» позиция по вопросу социальной и политической основы правого движения выражена еще более определенно. По мнению Ленина, в «черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это – темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий». И хотя «крайние правые – партия помещиков», «ограничиться связями с одними помещиками они не могут. Им приходится прикрывать эту связь и делать вид, что они защищают общенародные интересы, отстаивают “добрые старые” порядки “устойчивого” земледельческого быта. Приходится взывать к самым закоренелым предрассудкам самого захолустного мужика, играть на его темноте» [3]. Ни чиновничество, ориентированное скорее на поддержку либеральных партий, ни рабочие и крестьяне, в массы которых все более проникали идеи социал-революционеров и социал-демократов, не имели по большому счету общих интересов с черносотенцами.

Но в этом случае становится непонятным факт поддержки черносотенного движения населением, прежде всего на выборах в Государственную думу, заставивший самого Ленина назвать ее в 1910 г. «черносотенной» [4] и признать победу «контрреволюции» [5]. В связи с этим важно, что, по мнению Ленина, «черносотенцы ухватились за Думу как за лучшее и, пожалуй, единственно возможное, даже единственно мыслимое средство отстоять самодержавие» [6].